

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Кукольный магазин

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Кукольный магазин: Рассказ / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 44 с.

ISBN 978-5-519-95255-2

ISBN 978-5-519-95255-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

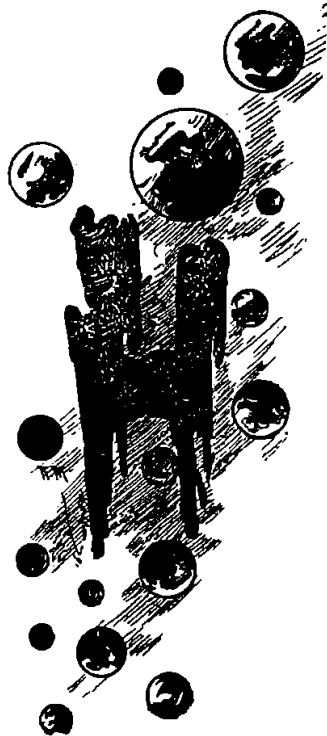
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Кукольный магазинъ.

Разсказъ.

I.

а Гороховой улицѣ, недалеко отъ Садовой, лѣтъ двадцать существовалъ часовой магазинъ, но хозяинъ - старикъ умеръ, а наслѣдники не пожелали продолжать дѣла, и на большомъ зеркальномъ окнѣ появилось объявленіе, что магазинъ сдается. Мѣсто было бойкое, почти центръ Петербурга, и явилось много желающихъ его снять. Приходили, осматривали и уходили, — кому дорого, кому неудобно. Въ числѣ другихъ пришелъ съдой, сгорбленный старичокъ съ молодой дѣвушкой. Они подробно все осмотрѣли и остались довольны.

— Намъ съ тобой, Катя, будетъ здѣсь хорошо, — объяснилъ старикъ. — Для тебя будетъ комнатка и для меня, и для мастерской... Положимъ, эти комнаты выходятъ окнами на дворъ, но всѣмъ деревни не выберешь... Главное, что мѣсто самое бойкое.

— А не дорого, дѣдушка? — спрашивала дѣвушка.

— Ничего, какъ-нибудь справимся. По нашему дѣлу самое главное — мѣсто...

Катя была настоящей русской дѣвушкой: русоволосая, съ круглымъ румянымъ лицомъ, съ добрыми карими глазами. Она не была родной внучкой, а выросла приемышемъ.

— Да, отлично... — повторялъ старичокъ, прикидывая что-то въ умъ.

— А гдѣ ты денегъ возьмешь, дѣдушка?

— Денегъ? Хе-хе... Всѣ денежки, милая, вотъ у такихъ старичковъ, какъ я. Молодые-то не умѣютъ ихъ беречь, а старички копятъ да копятъ... да. Теперь первое дѣло — вывѣска. Надо что-нибудь такое веселенькое, чтобы и видно было издали, и чтобы тянуло каждого въ магазинъ... У меня ужъ есть на примѣтѣ одинъ мастеръ. Онъ устроить...

Вывѣска появилась ровно черезъ недѣлю и, дѣйствительно, обращала на себя вниманіе публики. Она была голубая. Золотыми буквами вверху было написано: „Андрей Ивановичъ Пастуховъ и К^о“, а подъ этимъ — „Игрушки и починка куколъ“.

— Дѣдушка, какая же у тебя компанія? — спрашивала Катя.

— А про себя-то ты и забыла? Хе-хе... Знаешь, это какъ-то важнѣе выходить: „Андрей Ивановичъ Пастуховъ и компанія“. Я тебя въ слѣдующій чинъ произведу: раньше ты была просто Катя, а теперь будешь Катериной Петровной... Хе-хе!.. Ловко придумано? Это тоже для важности... Катями горничныхъ зовутъ, а ты теперь будешь купчиха.

Дѣвушка даже покраснѣла отъ смущенія, хотя дѣдушка и любилъ пошутить. Онъ былъ такой добрый и всегда улыбался.

— Ну-съ, Катерина Петровна, главное сдѣлано,— болталъ старикъ. — А теперь милости просимъ, почтеннѣйшая публика...

Новый магазинъ наполнился игрушечнымъ товаромъ какъ-то сразу. Появились деревянные сундуки, коробки, ящики, свертки, корзины. Все это распаковывалось, и на Божій свѣтъ появлялись самыя удивительныя вещи. Первымъ появился на окнѣ клоунъ съ мѣдными тарелочками въ рукахъ.

— Наконецъ-то...—весело проговорилъ онъ, хлопая тарелками. — Ухъ! какъ я усталъ лежать безъ всякаго движенія! Цѣлый годъ пролежалъ въ темномъ ящикѣ... Положимъ, кругомъ была солома, но все-таки ужасно скучно... Главное не видать своихъ сосѣдей, и не съ кѣмъ слова сказать.

Оказалось, что сосѣди по ящику были самый интересный народъ. Арабъ въ красной курточкѣ, двѣ лошадки, Ванька-встанька, десятка два куколъ, двѣ роты деревянныхъ солдатиковъ, бу-

мажнѣй медвѣдь, паяцъ, прыгавшій утенокъ, трубочистъ, спеленатый ребенокъ, зеленый попугай... Всѣ были рады, что наконецъ освободились изъ своей тюрьмы.

— Давайте, познакомимтесь, господа, — предлагалъ клоунъ. — А то мы и говорить разучимся... — Всѣ были рады знакомству, особенно куклы.

— Магазины, кажется, ничего... — говорилъ трубочистъ. — Хотя бывають и лучше.

— А ты видѣлъ?

— Самъ-то не видалъ, а рассказывали другіе трубочисты...

— Отличный магазинъ, господа... А главное, — такое громадное окно. Всѣ насъ видѣть будутъ... Очень интересно! Пусть всѣ любуются...

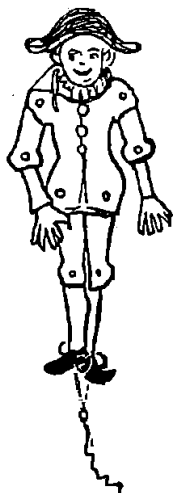
Клоунъ, очевидно, любилъ поговорить и, какъ всѣ говоруны, не умѣлъ слушать того, что говорятъ другіе.

Среди веселой кукольной компаніи упорно молчалъ одинъ толстый нѣмецъ въ желтомъ фракѣ и зеленомъ жилетѣ. Онъ даже отвернулся отъ болтуна-клоуна и проговорилъ:

— Пфуй!.. Все онъ вретъ...

— Кто вретъ? — слышались нетерпѣливые голоса.

— И клоунъ вретъ, и трубочистъ вретъ, — спокойно отвѣтилъ нѣмецъ. — Откуда они могутъ знать, какіе бывають магазины?.. А я вамъ скажу...

да... Они попали сюда не прямо изъ мастерской, а сначала побывали гдѣ-нибудь въ починкѣ...

— А ты откуда это узналъ, что куколъ отдаютъ въ починку?—за-разъ спросили клоунъ и трубочистъ. — Эге, значитъ, и ты тоже побывалъ въ починкѣ, Карлъ Иванычъ... Ну, признавайся?

— Что же, я не спорю... да...—бормоталъ Карлъ Иванычъ.—Меня немножко, того... почистили... Я люблю аккуратность и чистоту. Раньше у меня былъ красный жилетъ, а теперь зеленый... да... и башмаки теперь совсѣмъ новые...

— Если на то пошло, такъ и мы тоже побывали въ передѣлкѣ... — признались трубочистъ и клоунъ.—Трубочисту придѣлывали новую ногу... Что же изъ этого? Не все ли равно хозяину?

— Нѣтъ, не все равно!—спорили куклы.—Это обманъ, а обманывать не хорошо. Почему вы молчали, когда хозяинъ васъ покупалъ за новыхъ?

— А не мое дѣло...—спокойно отвѣтилъ Карлъ Иванычъ. — Вѣдь не я покупалъ себѣ хозяина, а онъ покупалъ меня, онъ и долженъ былъ смотрѣть въ оба.

— Все-таки, Карлъ Иванычъ, вы притворялись новой игрушкой!.. Ахъ, какъ это не хорошо!.. У васъ животъ набитъ паклей, и одна нога короче, а вы дѣлаете видъ, что вы настоящій нѣмецъ... Конечно, нашъ хозяинъ добрый человѣкъ и вѣрить вамъ, а все-таки не хорошо.

— Ну, мы потомъ разберемъ, что хорошо и что не хорошо... — спокойно говорилъ Карлъ Ива-

нычѣ.—Всякій долженъ это знать прежде всего про себя, а потомъ говорить о другихъ...

Въ отвѣтъ слышался изъ угла, гдѣ были свалены въ одну кучу дешевыя игрушки, чей-то грубый смѣхъ, а потомъ громкій голосъ:

— Братцы, не вѣрьте хитрому нѣмцу: обманетъ.

Всѣ оглянулись. У Карла Иваныча даже носъ покраснѣлъ отъ злости.

— Я... я... значитъ, я обманываю... а?!

— А кто первый осудилъ другихъ? — продолжалъ грубый голосъ.— Э, братъ, такъ не годится...

Это говорилъ дворникъ въ бѣломъ фартукѣ и съ метлой въ рукахъ. Онъ стоялъ все время въ углу и терпѣливо слушалъ общую болтовню, пока не возмутился хвастовствомъ нѣмца. Лежавшія на окнѣ въ коробкахъ дорогія куклы посмотрѣли на него съ презрѣніемъ и зашептались.

— Фи, русскій мужикъ!

— И онъ еще разговариваетъ?!

— Какой невѣжа!..

— Благодарю къ вамъ, фрейленъ, — говорилъ Карлъ Иванычъ, шаркая ножкой.—А впрочемъ, не мое дѣло... Въ сущности, виновать нашъ хозяинъ, который собралъ въ одной комнатѣ слишкомъ разнообразное общество. Можно ожидать всего... да... Мужикъ всегда нагрубить, и, кромѣ того, отъ него воняетъ дегтемъ. Я вѣдь ни слова не сказалъ, что всѣ мужики... какъ это сказать повѣжливѣе? Да, я ничего не

сказалъ, что они всѣ глупые, невоспитанные и грубые люди...

Карлъ Иванычъ умѣлъ говорить долго и краснорѣчиво, хотя по временамъ и перевиралъ русскія слова.

Всѣ куклы какъ-то сразу раздѣлились на богатыхъ и бѣдныхъ, вѣрнѣе сказать, — на дорогихъ и дешевыхъ. Особенно это было замѣтно между куклами-женщинами. Куклы съ фарфоровыми головками, умѣвшія закрывать глаза, а особенно тѣ, которыя умѣли говорить „папа“ и „мама“, совсѣмъ не желали смотрѣть на простыхъ куколъ съ бумажными головами, въ дешевенькихъ ситцевыхъ костюмахъ. Особенно важничала французская десятирублевая кукла съ рыжими волосами. Она была въ настоящемъ шелковомъ платьѣ и въ шляпѣ съ перомъ.

— У меня одна надежда, что я когда-нибудь вырвусь отсюда, — повторила она со вздохомъ, закатывая большіе черные глаза. — Конечно, меня купятъ порядочные люди, т.е. люди богатые... Говоря между нами, нашъ хозяинъ хотя и добрый человекъ, но я очень сомнѣваюсь, чтобы онъ понималъ что-нибудь по-французски. И вообще онъ получилъ не совсѣмъ хорошее воспитаніе... да...

— А по-моему, дѣло гораздо проще, мамзель, — перебилъ ее безцеремонно клоунъ. — Его въ дѣтствѣ, вѣроятно, часто били по головѣ палкой... Очень неприятно, когда бьютъ по головѣ палкой... Я это испыталъ, когда учился своему ремеслу...

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть клоуномъ, потому что долженъ постоянно притворяться передъ публикой веселымъ.

Этотъ споръ прекратился, когда въ магазинъ вошелъ Андрей Ивановичъ съ новыми покупками.

II.

Хлопотъ по устройству магазина хватило ровно на двѣ недѣли. Кромѣ магазина, нужно было устроить жилыя комнаты: одну Андрею Ивановичу, одну Катеринѣ Петровнѣ, кухню и мастерскую. Послѣдняя замѣняла и столовую. Мебель была простенькая, комнаты маленькія, и приходилось выгадывать каждый уголокъ.

— Ничего, устроимся, — думалъ вслухъ Андрей Ивановичъ. — Много ли нужно мѣста живому человеку, Катерина Петровна?

Дѣвушка завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ. Она наняла дешевенькую кухарку и сама учила ее, какъ готовить, сама ходила покупать провизію. Нужно было рассчитывать каждую копейку. Капиталовъ у дѣдушки осталось немного, хотя онъ и не жаловался. Маленькая комнатка Катерины Петровны выглядѣла даже нарядно, благодаря дешевенькимъ кисейнымъ занавѣскамъ, дешевенькимъ цвѣтамъ на окнахъ, дешевенькому туалету и дешевенькимъ картинкамъ на стѣнахъ.

— Совсѣмъ отлично, Катерина Петровна,—хвалилъ ее Андрей Ивановичъ, причмокивая. — Какъ въ лучшихъ домахъ...

Больше всего времени, конечно, заняло устройство магазина, гдѣ нужно было устроить витрины съ товаромъ, сдѣлать выставку въ окнѣ, разложить товаръ подешевле по полкамъ и т. д.

— Главное, чтобы у покупателя глаза разбѣгались, и духъ захватывало, когда онъ войдетъ въ магазинъ,—разсуждалъ Андрей Ивановичъ.

— Дорогой и мелкій товаръ, дѣдушка, мы въ витринахъ разложимъ, чтобы не пылился, а дешевый разставимъ по полкамъ.

— Такъ, такъ, Катерина Петровна,—соглашался со всѣмъ дѣдушка.—Умница ты у меня...

Когда дѣло дошло до устройства выставки товара въ окнѣ, дѣдушка и внучка чуть не поссорились. Андрей Ивановичъ устроилъ все самъ и позвалъ внучку полюбоваться своей работой.

— Хорошо... а?

Дѣвушка посмотрѣла на его работу и только покачала головой.

— Не хорошо?—удивился старикъ.

— Да, не совсѣмъ, дѣдушка...

— Вотъ тебѣ разъ!.. Благодарю, не ожидалъ... Впрочемъ, что я тебя спрашиваю: ты еще просто дѣвчонка и ничего не понимаешь.

— Нѣтъ, понимаю...

— Нѣтъ, не понимаешь!..

Старикъ даже обидѣлся. Хлопоталъ, старался, работалъ, и вдругъ не годится.

— Дѣдушка, вы не обижайтесь,—уговаривала его дѣвушка.—Вотъ вы выставили на самомъ видномъ мѣстѣ дорогую французскую куклу, а платье на ней и выцвѣтеть отъ солнца.

— Ну, положимъ... гм... пожалуй...

— Мы ее отодвинемъ въ сторонку, гдѣ съ улицы видно, а солнце не хватаетъ. Потомъ вы разставили оловянныхъ солдатиковъ, а ихъ съ улицы и не видно... Только будутъ напрасно мѣсто занимать.

— Ну?

— Потомъ... Однимъ словомъ, позвольте мнѣ все устроить самой, а потомъ посмотрите съ улицы.

— Будемъ посмотрѣть, какъ говорятъ русскіе нѣмцы. А все-таки ты ничего не понимаешь...— рѣшительно ничего! Просто — дрянная дѣвчонка, которая вздумала учить старика. А курицу яйца не учать... да...

Теперь ужъ обидѣлась Катерина Петровна. Даже слезы на глазахъ показались. Въ самомъ дѣлѣ, за что дѣдушка называетъ ее дрянной дѣвчонкой? Скрѣпя сердце, она принялась за работу, и черезъ полчаса выставка въ окнѣ была готова. Андрей Ивановичъ надѣлъ пальто и шляпу и вышелъ на улицу. Онъ три раза прошелъ по тротуару—начала быстро, потомъ потише, а потомъ уже совсѣмъ тихо.

— Ничего... У Катерины Петровны, дѣйстви-